

© 2024 г.

Д.В. ИВАНОВ

ТРЕТЬЯ ИНТЕГРАТИВНАЯ ВОЛНА В СОЦИОЛОГИИ. Часть 1: АКТУАЛЬНОСТЬ НОВОЙ ПОВЕСТКИ

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (dvi2001@rambler.ru).

Аннотация. Осуществлен анализ смены периодов фрагментации/интеграции в современной социологии. Первая интегративная волна в социологии была в 1920–1950-х гг. и проявилась в «больших» теориях П. Сорокина, Т. Парсонса, Франкфуртской школы, связавших разнородные идеи классиков в моделях общества как системы. После парадигмального кризиса 1960–1970-х гг. и распространения постмодернистского дискурса возникла вторая интегративная волна, преодолевавшая разрывы между концепциями детерминирующих структур и конструирующих действий. Сегодня фрагментация в социологии вызвана ростом влияния постколониального дискурса, попытками стигматизировать западную классику, создать альтернативы доминированию «глобального Севера» в производстве знания, распространением концепций, противопоставляющих классической социальности структур и действий социальную реальность сетей и потоков. В 2020-х гг. в социологии сложились условия для третьей интегративной волны. Актуальными становятся теории, создающие конфигурацию четырех типов социальных структур: институты, интеракции, сети, потоки. В качестве интегративных решений в социологии предлагаются концепции дополненной социальной реальности, дополненной современности, дополненных данных.

Ключевые слова: развитие социологии • метапарадигмальный кризис • интегративная волна • дополненная современность • постглобализация • институты • интеракции • сети • потоки

DOI: 10.31857/S0132162524060014

Введение. Дискурс кризиса в социологии в последние годы стал неотъемлемой частью теоретических дебатов в социологическом сообществе. Цели этого дискурса разнятся среди исследователей, оценки кризиса флуктуируют от констатации его вымышленности до выводов о грядущей смерти дисциплины [Дудина, 2013; Vandenberghe, Fuchs, 2019; House, 2019; Бэр, 2020]. Популярность дискурса кризиса можно вслед за Дж. Деланты объяснять тем, что проблематизация вплоть до провозглашения «конца социологии» является частью самокритичной природы социологии [Delanty, 2023]. Однако это не объясняет флуктуаций дискурса. История социологии показывает, что они обусловлены тем, что научная дисциплина развивается не линейно [Иванов, 2022], чередуются периоды теоретико-методологического размежевания, фрагментации и периоды стремления к интегрированности, повышению связности. Кризисы открывают путь обсуждению

гипотезы конца социологии и сдвигам к ее новому развитию. Актуальные истоки нового теоретизирования можно найти в волнообразной исторической динамике социологии. В статье сделана попытка обрисовать перспективы теоретического развития социологии, исходя из анализа смены периодов ее интеграции и фрагментации.

Классика: от протосоциологии к первой интегративной волне. Начальные этапы истории социологии были временем фрагментации. Доминировал акцент на уходе от старого, на поиске различий. Нарастало разнообразие идей и подходов. В 1820–1870-х гг. позитивизм О. Конта, эволюционизм Г. Спенсера, исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса и другие проекты науки об обществе провозглашали разрыв с философской традицией, фокусировались на конфликтном развитии капитализма, выдвигали проекты лучшего общества. Несмотря на антифилософскую постановку проблемы науки об обществе и на концептуальные основы социологии, концепции Конта, Маркса, Спенсера и др. не были социологией. В их фокусе оставалось выведение универсального закона развития человечества в рамках доктрины, охватывающей бытие и познание. Это была *протосоциология*. Совокупность созданных тогда проектов науки об обществе оставалась на грани между научным знанием и философскими и мировоззренческими доктринами.

Протосоциология в России 40-х гг. XIX в. оказала заметное влияние на характер дискуссий о путях развития страны. Сформировались течения «западников» и «славянофилов». Под влиянием европейских поисков науки об обществе и в противовес им в 1860–1870-х гг. были созданы концепции, укорененные в российских социальных реалиях и дебатах, но демонстрирующие стремление раскрыть универсальные законы устройства и развития общества. Теория исторических типов Н. Данилевского и субъективный метод П. Лаврова и Н. Михайловского предлагали проекты «научного» объяснения и «справедливой» направленности общественного развития.

На протяжении 1880–1910-х гг. период фрагментации продолжился. В стремлении продемонстрировать общие для социологов предмет и метод Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Теннис, В. Зомбарт, В. Парето, представители Чикагской школы создали работы с акцентом на различия: на реализм и номинализм, теоретическую и эмпирическую социологию, между традиционностью и современностью социальной жизни. Эти работы, много критиковавшиеся, теперь ценятся за вклад в формирование стандартов работы социологов. Это был этап *классической социологии*. Совокупность исследований конца XIX – начала XX в. предопределила развитие социологии как дисциплины, имеющей свои предметную область и исследовательские методы.

Классики предложили отчетливые признаки социологии. Но возникло разнообразие ее видов, от которых ведут происхождение современные научные школы и направления. Разные виды социологии – результат разного видения предметной области и методологии. Дюркгейм с его социологизмом, Вебер с понимающей социологией, Зиммель и Теннис с формальной социологией, европейские школы теоретической социологии, Чикагская школа эмпирической социологии стремились конструировать и легитимировать социологию разными путями. Умножая разнообразие концепций предмета и методов социологии, углубляя различия между ними, классики фрагментировали изучаемую социальную реальность. Классическая социология – это и *классифицирующая* социология, превращающая исследование любого явления в дифференциацию его на типы, виды, классы, кластеры и т.п. Ныне этот исследовательский паттерн обеспечивает социологическим работам элементарный уровень научности и профессионализма, но введен этот паттерн в социологию, чтобы отделить современный тип социальности от традиционного. Это различие можно найти у пропагандиста методологии идеальных типов Вебера в его противопоставлении традиционного и рационального действия и хозяйства. Есть он у позитивиста Дюркгейма с его различием механической и органической солидарностей, альтруистического и эгоистического самоубийства, у волюнтариста Тенниса в его сопоставлении общности и общества, у эмпириков Томаса и Знанецкого в анализе крестьянского быта в Европе и городской жизни в Америке. Общество как целое, как

единый организм остался у протосоциологов и классиков социологии метафорой либо утопическим горизонтом теоретизирования, а социальная реальность фрагментирована на множество структур и процессов, тяготеющих к контрастным типам социальности.

В России развитие и институционализация социологии, обретение ею классических форм происходили в тот период аналогично Западной Европе и Северной Америке. Российская социология была частью ядра, из которого шло распространение дисциплины на периферийные страны и регионы [Connell, 2007: 5–6]. Разделяя с французскими, британскими, американскими и германскими коллегами по «имперскому» ядру взгляды на предмет и методы, российские социологи в первые десятилетия XX в. свою научную дисциплину развивали, двигаясь по расходящимся направлениям: позитивистскому, неопозитивистскому, неокантианскому, марксистскому. Самым известным выразителем разнонаправленности и фрагментации социологии был М. Ковалевский. Не создав оригинальной теории, он, тем не менее, внес вклад в теоретическую социологию, одним из первых разрабатывая концепцию многофакторности социального прогресса. Он отстаивал модель, в которой социальное развитие определяется географическими, демографическими, психологическими, интеллектуальными, экономическими и политическими факторами.

В 1920–1950-х гг. характер развития социологии изменился: период фрагментации сменился периодом интеграции. Дискуссии предшествующих лет о том, какой быть социологии, что является ее предметом и каковы методы, сформировали специфику социологии – автономное её положение среди социогуманитарных дисциплин.

Но созданные первыми классиками типологии и классификации форм социального взаимодействия, интеграции и солидарности, общностей и т.д. не образовывали единой концептуальной системы, то есть теории. В ходе эмпирических исследований шло накопление фактического материала, объем и разнообразие которого росли и требовали систематизации. Актуальной стала проблема синтеза, создания общесоциологической теории, которая объединяла бы достижения классиков, обобщала результаты, получаемые эмпирической социологией. В объединенных новой повесткой социологических работах доминировала ориентация на связи, на поиск общности. В результате эти работы образовали *первую интегративную волну* и стали *неоклассической социологией*.

Идеей общесоциологической теории, объясняющей комплекс социальных явлений и интегрирующей прежние и новые достижения, пронизаны выдающиеся теоретические работы середины прошлого века: «Современные социологические теории» и «Социальная и культурная динамика» П. Сорокина, «Структура социального действия» и «Социальная система» Т. Парсонса, «Традиционная и критическая теория» М. Хоркхаймера и его совместная с Т. Адорно «Диалектика просвещения».

Результатом стали не только большие теории (Сорокин, Парсонс, Франкфуртская школа), но и эмпирические проекты, длившиеся по несколько лет и генерировавшие массивы данных, использовавшихся для решения крупных задач бизнеса, госуправления, социальной политики. Среди «гигантов» эмпирической и прикладной социологии можно выделить социальное картографирование Чикаго Р. Парка и Э. Берджеса, Хотторнские эксперименты с участием Э. Мэйо, исследование массмедиа П. Лазарсфельдом, проект «Авторитарная личность» Т. Адорно и др.

В советской России развитие социологии в 1920–1950-х гг. также шло в направлении интеграции и создания большой теории. Это была авторитарно-административная интеграция, роль большой теории играл исторический материализм – доктрина о законах общественно-исторического развития. С конца 1920-х гг. практика рассуждений о сущности и проявлениях такого рода законов господствовала три десятилетия, заменив собой немарксистские социологические теории и формы эмпирических исследований. Социологи других направлений были выдавлены из профессии и из страны. Сталинская «интеграция» в социальной теории производила сильное впечатление на внешних наблюдателей, как и сталинская индустриализация. СССР выглядел альтернативой экономически и идеологически. Многим американским и европейским социологам середины

XX в. перспектива развития социологии виделась в «конвергенции» элементов больших теорий – структурного функционализма и исторического материализма в универсальной теоретико-методологической концепции.

Интегративная логика, сближавшая социологов, характерная для больших теорий и больших эмпирических проектов середины XX в., проявилась и в подходах к социальным изменениям, развитию общества. На смену концепциям, рисующим разные траектории развития общества как пути разрыва с прошлым, исходя из разных образов будущего, пришли концепции единой современности – Modernity. Эта модель социальной динамики представлена в теориях М. Леви и Т. Парсонса, в идее П. Сорокина о конвергенции «западного» и «восточного» социокультурных типов, в концепции единого индустриального общества Р. Арона.

От парадигмального кризиса ко второй интегративной волне. В 1960–1970-х гг. произошел *парадигмальный кризис*, положивший конец первой интегративной волне в развитии социологии. Он открылся взрывным ростом критики господства макросоциологических, позитивистских и объективистских представлений о предмете, методах и предназначении социологии. С созданием множества концепций, претендующих на статус парадигмы, исследовательская деятельность социологов стала развиваться в направлении дробления их сообщества на группы, придерживающиеся альтернативных подходов. Рост микросоциологических, интерпретативных и активистских концепций в этот период перевел научную дисциплину на этап *постклассической социологии*, увеличив теоретико-методологическое разнообразие, но и восстановив баланс, нарушенный *неоклассической социологией*, экспансией макросоциологических и позитивистских подходов.

Присутствовавшая в социологии со времен Дж.Г. Мида, М. Вебера, А. Шюца идея изучения человеческого действия в 1960-х гг. была превращена новым поколением исследователей в орудие борьбы против больших теорий с их сосредоточенностью на макроуровне социальной реальности и неспособностью объяснять взаимодействие людей. Дж. Хоманс с теорией социального обмена, А. Турен с социологией действия, Г. Блумер с символическим интеракционизмом, П. Бергер и Т. Лукман с феноменологической социологией, И. Гофман с порядком интеракций, Г. Гарфинкель с этнометодологией пытались реконструировать социологию, сделав ее наукой микроуровня человеческого действия. Обращение исследователей к такого рода подходам подорвало господство макросоциологических теорий. В это же время объектом критики стала «квантофрения» социологии, – стремление социологические данные и выводы сводить к статистическим выкладкам, а социологический анализ – к манипулированию цифрами. В 1960–1970-х гг. такого рода критика получила поддержку в социологическом сообществе и стала основой противостояния с «жесткими» количественными методами «мягких» качественных методов. Эти методы, построенные на интерпретации не поддающихся статистическим процедурам данных о смыслах, которые люди придают событиям, отвечают концепции социологии как науки о взаимодействиях людей, которую продвигали Г. Блумер, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, И. Гофман и их последователи. С этого времени проекты исследования объективных структур, гигантские массивы данных, представляющие социальную реальность языком статистического анализа, стали замещаться исследованиями, сконцентрированными на субъектности людей, сводящимися к нарративам на обыденном языке.

Позитивизм подвергался критике за неадекватность методов исследований, за объективизм позиции исследователя как независимого наблюдателя социальных процессов. Критика традиционной теории Франкфуртской школой еще в 1930-х гг. нашла отклик в социологическом сообществе через три десятилетия. Обличение «конформизма» традиционной теории стало трендом. Концепции «критически-рефлексивной» социологии, развенчивающей объективистские притязания больших теорий, развивали Ч.Р. Миллс и Э. Гоулднер, испытавшие влияние неомарксизма. Наиболее радикальной версией позиции социолога стала созданная А. Туреном концепция социального акционализма. Ее сторонники в 1970-х гг. активно участвовали в социальных движениях, в том числе

экстремистских, применяя метод «социологической интервенции» в социальные процессы с целью выявить и развить «историчность» социальных движений.

Тенденции роста числа микросоциологических теорий с претензиями на парадигмальность, роста популярности антипозитивистской качественной методологии, роста внимания к активистским доктринам критической социологии, образуют движение к гуманизации социологии. Повестка этого движения, требование сделать социологию наукой о людях, создаваемую для людей их силами, мотивировала социологов возобновить дебаты о предмете (объективные структуры или интеракции в повседневной жизни) и методе («жесткие», количественные или качественные, «мягкие») и вновь обострить расхождение позиций. Как следствие в ходе развернувшихся дискуссий о том, что, как, для чего и для кого должны изучать социологи, сложилась ситуация множественности парадигм. Каждая из парадигм претендовала на роль общесоциологической теории и методологии, объединяя вокруг «своего» видения предмета и методов исследования часть социологического сообщества.

Тенденции фрагментации, помимо внутрисоциологических разделений по линиям «макро/микро» и «структура/действие», «количественное/качественное», выразились в стремлении к разрыву с традицией. Постмодернистская теория М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодриера, предлагая идеи «децентрации субъекта», «исчезновения человека», «конца социального» и т.п., подводит к выводам об исчезновении предмета микро- и макротеорий, о симуляционном характере социальных наук. В манифесте Лиотара «Состояние постмодерна» [Lyotard, 1979] уходящей эпохе доминирования в общественной жизни и науке системности и целостности противопоставляется постсовременность с распадом социальных агрегатов, эклектичностью, умножением малых нарративов. Постмодернизм оказался сильным вызовом, открыв перспективы исследовать предмет социологии по-новому, и грозную перспективу диссоциации предметности, утраты научного статуса [Baudrillard, 1978].

В эти годы и отечественная социология пережила парадигмальный кризис в форме ослабления советской доктрины истмата и возрождения социологических исследований. После 1953 г. в «железном занавесе» возникли «бреши», сквозь которые западная культура, включая социологию, проникала в СССР. Узкий круг советских философов и экономистов получил возможность знакомиться с новыми теориями и методами. Их усилиями социология была легитимирована в конце 1950-х гг. в формах «конкретных социальных исследований» и «критики буржуазной социологии». Критикуя западные теории, советские социологи «импортировали» их в отечественную социологию, способствуя ее концептуальному развитию. Анализируя зарубежные работы, они добывали теоретические модели, методики, которые противоречили истмату, но отвечали наблюдаемым процессам. В такой ситуации теоретико-методологической находкой советской социологии выглядит концепция трех уровней структуры социологического знания: социально-философская общая теория (исторический материализм) – частные социологические теории – эмпирический базис. Социологи получили возможность теоретизировать на «среднем» уровне, избегая идеологической конфронтации, и воспользовались этим для адаптации западных теоретических моделей к отечественному материалу. В советской социологии негласно утвердились структурно-функционалистские, неомарксистские идеи и идеи символического интеракционизма. Плюрализм постклассической социологии на Западе в России принял специфическую форму латентной ревизии доктрины исторического материализма и гуманизации технократических исследований.

В период 1980–1990-х гг. в социологии набрала силу *вторая интегративная волна*. С конца 1970-х гг. ослабло стремление к поиску принципиально новой парадигмы, распространились идеи создания единой парадигмы путем согласования конкурирующих подходов. Тенденция теоретико-методологической интеграции видна в трендах конца прошлого века: распространение теорий, призванных стать объединительными,

метатеоретизирование, бум концепций глобализации и проектов глобальной социологии, преодоления национально-государственных и культурных барьеров.

Стремлением к интеграции подходов, ранее считавшихся взаимоисключающими, отмечены разработки 1980-х гг.: теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория структуризации Э. Гидденса, теория морфогенеза М. Арчер, конструктивистский структурализм П. Бурдьё. Эти парадигмы стали «мягкой» формой постмодернизма в социологии, иногда вопреки интенциям самих авторов, как в случае Хабермаса. Но логика постмодернизма проявилась в том, что, несмотря на популярность в социологическом сообществе теорий Хабермаса, Гидденса, Бурдьё, их усилия по разрешению дилеммы «структуры/действия» и интеграции теоретической социологии усугубили ситуацию мультипарадигмальности. Прежние парадигмы не утратили влияния, но к макросоциологическим и микро-социологическим теориям добавились межуровневые или мезосоциологические теории.

Практика построения интегративных теорий способствовала превращению реинтерпретации в основной тип теоретической работы, позволяя выявить логические структуры, лежащие «глубже» авторского уровня анализа. Интеграция этих структур в единый концептуальный порядок позволяет создать общесоциологическую теоретическую систему, перекрывающую расхождения существующих теорий. Этот подход просматривается в работах, определивших видение социологами своей дисциплины после дебатов 1960–1970-х гг.: «Социология: мультипарадигмальная наука» Дж. Ритцера, «Социологические дилеммы» П. Штомпки, «Теоретическая логика в социологии» Дж. Александра [Ritzer, 1975; Sztompka, 1979; Alexander, 1982].

Новый тип теоретической работы, продвигающий установку «мягкого» постмодернизма на плюрализм и релятивизм, на легитимацию мультипарадигмальности, был назван Дж. Ритцером метатеоретизированием [Ritzer, 1990] и с 1980-х гг. стал преобладать в социологии. Создаются концептуальные схемы, объясняющие сложившуюся в теории ситуацию. Согласно Ритцеру, метатеоретизирование является рефлексивной концептуализацией, направленной на создание «комфортной среды» в теоретической социологии путем 1) прояснения оснований и логики созданных теорий; 2) предположения развития теорий; 3) межтеоретических отношений, задающих перспективу «поверх» различий и противоречий отдельных теорий. Метатеоретизирование Ритцера, Александра, Штомпки и др. представило фрагментацию, раздробленность социологии как логичную структуру «пространства возможностей» с нишами для сторонников всех школ и направлений.

Та же логика открытия пространства возможностей, а заодно проблем, конфликтов и путей их разрешения, обнаруживается и в исследованиях глобализации. Концепции глобализации, представляющие макроструктуры как связную систему планетарного масштаба, а микроструктуры как открытый мультикультуральный жизненный мир, поглотили постмодернистскую перспективу и заменили ее новой, предполагающей движение к глобальной современности [Robertson, 1992; Albrow, King, 1990; Giddens, 1990; Beck, 1997]. Принималась ли реальность глобализации позитивно, как в работах Р. Робертсона и М. Алброу, или критически, как у Дж. Ритцера и И. Валлерстайна [Ritzer, 2004; Wallerstein, 2000], это было воспринято как основание перехода к новому этапу развития дисциплины – к *глобальной социологии*, единой, мультикультуральной, избавленной от барьеров между исследователями из разных стран.

Вхождение российских социологов во вторую интегративную волну оказалось для отечественного научного сообщества весьма травматичным в интеллектуальном отношении. Российская социология в 1980–90-х гг. испытала концептуальный шок: большая теория прошлых десятилетий дезавуирована, теории среднего уровня обесценены, новая сложность интегративных теорий, мультипарадигмальности, метатеоретизирования и глобализации осваивалась с трудом. Советское влияние в международном сообществе, базировавшееся на влиянии марксистской идеологии, сошло на нет, постсоветская социология оказалась на периферии мировой науки.

Лидеры отечественного научного сообщества в этих условиях все-таки следовали за логикой развития дисциплины и начали практиковать метатеоретизирование. Одних эта интеллектуальная практика привела к идее начать теорию «с нуля», исходя из эпатажно звучащего тезиса «в России теоретической социологии нет» [Филиппов, 1997], других – к адаптации на российской почве идеи мультипарадигмальности, соединяя западный мейнстрим с прошлыми наработками советского периода и ритуальными отсылками к до-советской традиции.

Новая повестка: от метапарадигмального кризиса к третьей интегративной волне. Этап глобальной социологии, вопреки ожиданиям, оказался недолгим и сменился периодом дезинтеграции и фрагментации в 2000–2010-х гг. В социологии развился *метапарадигмальный кризис*, вызванный сдвигом от стабилизационного метатеоретизирования в духе Дж. Ритцера, упорядочивающего множество структуральных и агентностных теорий, к трансформационному, нацеленному на концептуальную «революцию» и на открытие в сетях и потоках новых объектностей для социологии.

В условиях обозначившегося во втором десятилетии XXI в. поворота к постглобализации [Иванов, 2020] глобализационная метапарадигма не выглядит надежной концептуальной платформой для исследований. Рост разрывов, барьеров и конфликтов в «общем пространстве возможностей» побуждает все большее число социологов развивать постколониальный дискурс, стигматизировать западную классику, создавать теоретические альтернативы доминированию «глобального Севера» в производстве знания.

Трансформационное метатеоретизирование рубежа XX и XXI вв. переориентировалось с рефлексивной работы с другими теориями на работу с другой реальностью. Б. Латур, М. Кастельс, Дж. Урри, А. Аппадурай, К. Кнорр-Цетина акцентировали концептуальный разрыв между классической социальностью структур и действий и постсоциальной реальностью сетей и потоков [Latour, 1996; 2005; Urry, 2000; Castells, 1996; Appadurai, 1996; Knorr Cetina, 1997; 2009]. Латур и последователи его акторно-сетевой теории противопоставляют прежней «социологии социального» свои исследования гибридной реальности. Актор-сети являются одновременно и социально-материальными структурами, объединяющими разнородные объекты, включая людей и вещи, и формами агентности, превращающими тех и других в «актантов». Режим существования этой реальности – интеробъективность, выводящая ее за рамки теоретико-методологического выбора между объективностью институтов как тотальных нормативных структур и интересубъективностью смыслов, конструируемых (взаимо)действующими агентами.

Концептуализация мобильностей и потоковых структур в работах Урри и Кнорр-Цетины вводит представление еще об одном режиме существования реальности «постсоциальных отношений» между людьми и материальными объектами. Это трансобъективность мобильностей и потоков, чья реальность воспринимается и переживается только в движении сквозь привычные структуры, через территориальные, институциональные, групповые, культурные и символические границы. Традиционные для социологического взгляда предметности – социальные структуры представляют собой разграничения, фиксирующие зоны и диапазоны разных взаимодействий. Через эти границы, структурирующие привычную социальность, и идет привлекающее внимание исследователей движение – перемещение вещей, людей, идей и т.д.

В то время как на «глобальном Севере» метатеоретизирование направлено на поиск концептуальных схем для новой гибридной и темпоральной реальности – мобильностей, ассембляжей и т.п., на «глобальном Юге» возникла совершенно иная разновидность трансформационного метатеоретизирования, которое фрагментирует социологию посредством постколониального дискурса. Это интеллектуальное движение развивается критикой доминирования западных теорий, неадекватности и иррелевантности западных концептов для незападных обществ и культур [Akiwowo, 1999; Alatas, 2006; Connell, 2007; McLennan, 2003]. Проекты постколониальной теории варьируют от специфических инструментов изучения аборигенных социокультурных феноменов, опыта сообществ бывших

колоний до превращения «южной теории» в инструмент концептуального противостояния и в альтернативный ресурс развития мировой социологии, призванный изменить баланс глобального производства знания в пользу «Юга».

Идеи создания теорий, объясняющих локальные феномены и порывающих с зависимостью от западного канона, созвучны критике европоцентризма и претензий на универсальность и объективность социальной теории, получившей распространение среди европейских и американских исследователей с конца 1990-х гг. [Wallerstein, 1997; McLennan, 2003]. Релятивизация основ «северной теории» стимулировала появление дискурса «отмены» классической социологии. Теоретическое наследие сторонниками этой идеи представляется как отжившие дискурсы, Маркс, Вебер, Дюркгейм обличаются как «расисты» и «империалисты», носители европоцентристского патриархально-маскулинного подхода, превратившего теорию в идеологию дискриминации, подавления социокультурного разнообразия и исключения меньшинств. Выработанные за два столетия профессиональные стандарты исследовательской работы рассматриваются как инструменты подчинения нормативной системе западного типа и заменяются дискурсивными практиками, призванными быть не столько наукой, сколько «голосом» ущемляемых меньшинств.

В русле метапарадигмального кризиса, фрагментации представлений о социальном мире сменился доминирующий подход к социальной динамике. Заложенные в теориях глобализации ожидания прихода открытого всемирного общества не оправдались. В контексте постглобализации на смену идее глобальности пришла идея множественности. Социологи стали практиковать подход, предложенный Ш. Айзенштадтом в конце прошлого века, но обретший второе дыхание сейчас. Концепция множественных современностей предполагает, что современность (*Modernity*) как тип социальной жизни может и должна принимать различные формы. Обнаруживаемые в разных странах расхождения с классическими образцами индустриализации, демократизации, секуляризации, индивидуализации следует трактовать не как отставание в развитии или отклонение от общей модели, а как цивилизационную специфику одной из современностей.

Следуя новым трендам, отечественные исследователи в 2000-х гг. подхватили возникший за рубежом дискурс «кризиса социологии» и начали практиковать трансформационное метатеоретизирование. Есть в этом русле попытки внести вклад в разработку «решающей» метафоры, способной двинуть теоретизирование за пределы старой эпистемологической конфигурации [Кравченко, 2002; Тощенко, 2011]. И есть попытки отгородиться от «чуждой» эпистемологии [Добренев, 2009; Дугин, 2022]. Претендовавшие на признание и недооцененные в мировой науке исследователи тяготеют к радикальной риторике разрыва с мейнстримом и выстраивания «свободной от диктата» собственной науки. Одновременно с дискурсом эмансипации от западной науки развивается дискурс несоответствия мировым стандартам научности в «туземной» науке теми исследователями, кто рассчитывает успешно встроиться в международное академическое сообщество. Таким образом, сейчас российская социология, раздробленная и институционально и концептуально находится на том же этапе эволюции, что и международное научное сообщество.

Обобщая черты метапарадигмального кризиса, можно сделать вывод, что сегодняшняя фрагментация социологии в условиях постглобализации – это кризис на пути предшествующего развития и открытие возможностей на новом пути. Новые социальные онтологии, постколониальная теория, разделение социологии по линии «Север/Юг», концепции множественных современностей не отменяют прежнюю социологию, а расширяют, усложняют ее предметное поле и структуру и мотивируют совладать с этой разноречивой сложностью. В ситуации метапарадигмального кризиса логично ожидать в ближайшие годы прихода следующей интегративной волны. Третья интегративная волна должна к середине века по-своему решить проблемы устранения разрывов и создания связности в концептуальном многообразии современной социологии.

В сегодняшней социологии для нового интегративного метатеоретизирования актуальны три направления. Третья интегративная волна должна в противовес нынешним

тенденциям дезинтеграции, дискриминации, возникновения разрывов и возведения барьеров обеспечить движение к (1) связности представлений о формах социальности (типах и уровнях социальной реальности); (2) связности моделей социальных изменений и развития; (3) связности методологических подходов и методов эмпирических исследований, ориентированных на разные типы данных. Все три задачи можно решить, выявляя взаимообусловленность и взаимопроникновение разных социальных реальностей с использованием метафоры дополненной реальности (англ. – *augmented reality*). Взятая из IT-технологий, где цифровые объекты встраиваются в одно пространство с физическими, метафора дополненной реальности схватывает многообразие гибридных реальностей, которые возникают на стыках привычных институтов с интеракциями и новыми сетями и потоками.

Фокусируясь на разных формах социальности – нормативность в институтах, креативность в интеракциях, коммуникативность в сетях, мобильность – в потоках, социологи создали конкурирующие представления о социальной реальности [Иванов, 2022: 6–7]. Четыре разных режима существования социальной реальности – это ее объективность в работах Дюркгейма, интерсубъективность у последователей Шюца, интеробъективность по Латуру, трансобъективность в русле идей Урри. Конфигурация четырех разных социальностей образует дополненную социальную реальность, с которой теперь приходится иметь дело.

Эту логику можно применить и при рассмотрении социальных изменений. Различия между конкурирующими теориями изменений и образами современности вызваны фокусировкой на неодинаковой динамике разных структур. Теории модернизации и концепции единой современности (*Modernity*) сфокусированы на развитии институтов, обеспечивших рост массового производства и потребления, формирование демократии и массовой культуры. Альтернативные теории изменений – рефлексивная модернизация, постмодерн, глобальная современность, текучая современность, множественные современности и т.д., – сфокусированы на остановке институционального развития и росте других типов структур, создающих не тотальную социальность в виде унифицированных норм, а частную и ситуативную социальность интеракций, избирательную социальность сетей, мобильную социальность потоков.

Поскольку в основе разнообразия теорий социальных изменений и конкурирующих концепций современности лежит совместная (пусть не одинаковая) динамика институтов, интеракций, сетей, потоков, напрашивается интегративное решение – концепция дополненной современности (*augmented Modernity*). Нужно соединить разные версии теорий модернизации, постмодерна, глобализации, а также виртуализации, макдональдизации и т.п., исходя из того, что новейшие тенденции изменений возникают на стыках четырех типов социальности. Их гибридизация и взаимопроникновение создают эффекты дополненной социальной реальности, в которой смешиваются и взаимно проникают традиционные и современные, модернистские и постмодернистские, глобальные и локальные, реальные и виртуальные компоненты жизни людей.

Наряду с привнесением связности в теоретические представления о социальной реальности и социальной динамике, важнейшей задачей является движение к связности концептуальных и инструментальных составляющих в том многообразии методов сбора и анализа данных, которое сложилось в современной социологии. Здесь от привычного противопоставления «жестким» количественным методам (массовые опросы, статанализ, контент-анализ и т.д.) «мягких» качественных (глубинные интервью, включенное наблюдение, дискурс-анализ и т.д.) исследователи перешли к противопоставлению обеим стратегиям инновационной стратегии «больших данных». Вместе с тем проводятся исследования, совмещающие разные стратегии и конструирующие смешанные методы (*mix method*), вырабатываются инструменты одновременного сбора и анализа числовых, текстовых, визуальных данных.

Эти разнонаправленные методологические тренды приобретают общий смысл и образуют связное единство, если понять, что количественные методы наиболее эффективны в изучении институтов, качественные – интеракций, методы работы с большими данными – сетей и потоков. На стыках четырех типов социальности лучше работают смешанные методы и гибридные инновационные решения. Напрашивающееся общее решение проблем методологической фрагментации в социологии в том же интегративном русле: для проведения исследований дополненной социальной реальности в условиях дополненной современности нужен инструментарий, обеспечивающий объединение и гибридизацию разнородной разноуровневой информации в виде обогащенного комплекса – дополненных данных (*augmented data*).

Заключение: перспектива интегративного пути развития социологии. Исходя из представленного в статье чередования периодов фрагментации и интеграции в социологии, можно рассчитывать на приход новой интегративной волны к середине нынешнего века. Предложенная метафора дополненной реальности позволяет придать связность и общую логику представлениям о социальной реальности, социальной динамике, методологии социологических исследований. Но теоретико-методологическая интеграция возможна и на другой концептуальной основе. Накануне интегративной волны социологи абсолютно свободны в выборе решающих метафор и прочих концептуальных средств, которые помогут решить задачи достижения связности в развитии теорий и методов.

Приход третьей интегративной волны логичен. Но она не придет автоматически. Все зависит от интенций и усилий множества теоретиков и исследователей-практиков, которые осознают эту перспективу развития социологии. Третья интегративная волна не решит раз и навсегда все проблемы социологии. Представленная выше краткая история социологии показывает, что в ней ничего не бывает навсегда и ничто не принимает повсюду одинаковые формы. Возможная в ближайшем будущем интегративная волна скорее всего сменится следующим периодом фрагментации, но это будет продолжением развития социологии на ином уровне. Смена нынешней фрагментации интегративной волной – это безусловно позитивная перспектива движения. На это следует ориентироваться тем, кто от положительного решения общего вопроса об актуальности теоретико-методологической интеграции переходит к детальным вопросам о том, как именно интегрировать представления о разных структурах, процессах, методах. Детализация решений поставленных в данной статье задач достижения связности в виде моделей дополненной социальной реальности, дополненной современности, дополненных данных требует продолжить начатый здесь анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бэр П. Социология остановлена // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 3–15.
- Гоулднер Э. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.
- Добреньков В.И. Ценностные ориентиры современной социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 108–115.
- Дугин А.Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 142–152.
- Дудина В.И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 13–21.
- Иванов Д.В. Ворчание «стариков», нытье «молодых» и прогресс социологии // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250018033-9.
- Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9.
- Кравченко С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 48–53.
- Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М.: Новый хронограф, 2011.

- Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1/2. С. 5–37.
- Akiwowo A. Indigenous Sociologies: Extending the Scope of the Argument // International Sociology. 1999. No. 2. P. 115–138.
- Alatas S. Alternative Discourses in Asian Social Science: Responses to Eurocentrism. New Delhi: Sage, 2006.
- Albrow M., King E. Globalization, knowledge and society. London: Sage, 1990.
- Alexander J. Theoretical Logic in Sociology. London: Routledge, 1982.
- Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity. London: Sage, 1990.
- Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996.
- Baudrillard J. À l'ombre des majorités silencieuses ou la fin du social. Paris: Les Cahiers d'Utopie, 1978.
- Beck U. Was ist Globalisierung? Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford, UK: Blackwell, 1996.
- Connell R. Southern Theory. The Global Dynamics of Knowledge in Social Science. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Delanty G., Mascareno A. Social theory: Legacies and future directions – An interview with Gerard Delanty // European Journal of Social Theory. 2023. Vol. 26(3). P. 408–423.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.
- House J.S. Culminating Crisis in American Sociology and its Role in Social Sciences and Public Policy: An Autobiographical, Multimethod, Reflexive Perspective // Annual Review of Sociology. 2019. Vol. 45. No. 1. P. 1–19.
- Knorr Cetina K. Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies // Theory, culture & society. 1997. Vol. 14(4). P. 1–30.
- Knorr Cetina K. The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World // Symbolic Interaction. 2009. Vol. 32. Iss. 1. P. 61–87.
- Latour B. On Interobjectivity // Mind, Culture, and Activity. 1996. Vol. 3. No. 4. P. 228–245.
- Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Liotard J.-F. La condition postmoderne. Paris: Minuit, 1979.
- McLennan G. Sociology, Eurocentrism and Postcolonial Theory // European Journal of Social Theory. 2003. No. 1. P. 69–86.
- Ritzer G. Metatheorizing in Sociology // Sociological Forum. 1990. Vol.5. No 1. P. 3–15.
- Ritzer G. Sociology: A Multiple Paradigm Science // The American Sociologist. 1975. Vol. 10. No. 3. P. 156–167.
- Ritzer G. The Globalization of Nothing. L.: Sage, 2004.
- Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: SAGE Publications, 1992.
- Sztompka P. Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm. N. Y.: Academic Press, 1979.
- Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. L.: Routledge, 2000.
- Vandenbergh F., Fuchs S. On the Coming End of Sociology // Canadian Review of Sociology. 2019. Vol. 56. No. 1. P. 138–143.
- Wallerstein I. Eurocentrism and its avatars: the dilemmas of social science // New Left Review. 1997. Vol. 226. P. 93–108.
- Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World System // International Sociology. 2000. Vol. 15(2). P. 251–267.

Статья поступила: 17.06.24. Финальная версия: 03.07.24. Принята к публикации: 08.07.24.

THE THIRD INTEGRATIVE WAVE IN SOCIOLOGY. PART I: THE RELEVANCE OF A NEW AGENDA

IVANOV D.V.

St. Petersburg State University, Russia

Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg state university, St. Petersburg, Russia
(dvi2001@rambler.ru).

Acknowledgements. This work is based on research supported by RSF, grant no. 24-18-00261.

Abstract. The article is analyzing fragmentation and integration waves in sociology development. The first integrative wave was in the 1920s – 1950s. It appeared in grand theories by P. Sorokin, T. Parsons, the Frankfurt school uniting heterogeneous ideas from classics in models of society as system. After the paradigm crisis of the 1960s-70s and following spread of postmodernist discourse, the second integrative wave arose in form of theories overcoming gaps between concepts of determinist structures and constructivist agency (J. Habermas, A. Giddens, P. Bourdieu) as well as in form of metatheorizing (G. Ritzer, P. Sztompka, J. Alexander). Today's fragmentation of sociology under conditions of metaparadigm crisis and post-globalization is provoked by the rising postcolonial discourse, by attempts to stigmatize Western classics and to create theoretical alternatives to the 'global North' domination in knowledge production as well as by conceptions opposing social reality of networks and flows to classical sociality of structures and agency. The third integrative wave is expected to come in the 2020s displacing tendencies of disintegration, discrimination, growing gaps and rising barriers. New theories are relevant as they create a coherent configuration of four types of structures: institutions, interactions, networks, and flows. Concepts of augmented social reality, augmented Modernity, and augmented data are proposed to be solutions for theoretical and methodological integration in sociology.

Keywords: development of sociology, metaparadigm crisis, integrative wave, augmented modernity, post-globalization, institutions, interactions, networks, flows.

REFERENCES

- Akiwowo A. (1999) Indigenous Sociologies: Extending the Scope of the Argument. *International Sociology*. No. 2: 115–138.
- Alatas S. (2006) *Alternative Discourses in Asian Social Science: Responses to Eurocentrism*. New Delhi: Sage.
- Albrow M., King E. (1990) *Globalization, knowledge and society*. London: Sage.
- Alexander J. (1982) *Theoretical Logic in Sociology*. London: Routledge.
- Appadurai A. (1990) *Disjunction and Difference in the Global Cultural Economy. Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*. London: Sage.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis.
- Baehr W.P. (2020) Sociology Arrested. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–15. (In Russ.)
- Baudrillard J. (1978) *À l'ombre des majorités silencieuses ou la fin du social*. Paris: Les Cahiers d'Utopie.
- Beck U. (1997) *Was ist Globalisierung?* Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Oxford, UK: Blackwell.
- Connell R. (2007) *Southern Theory. The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Cambridge: Polity Press.
- Delanty G., Mascareno A. (2023) Social theory: Legacies and future directions – An interview with Gerard Delanty. *European Journal of Social Theory*. Vol. 26(3): 408–423.
- Dobrenkov V.I. (2009) Value Orientations of Modern Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 108–115. (In Russ.)
- Dudina V.I. (2013) Fictitious Crisis of Sociology and a New Shape of Epistemology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 13–21. (In Russ.)
- Dugin A.G. (2022) Eurasianism as a Non-Western Episteme for Russian Humanities. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of RUDN University. International Relations]. Vol. 22(1): 142–152. (In Russ.)
- Filippov A.F. (1997) About the Conception of Theoretical Sociology [O poniatii tereticheskoy sotsiologii]. *Sociological Journal* [Sotsiologicheskiy zhurnal]. No. 1/2: 5–37. (In Russ.)
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge.
- Gouldner A. (2003) *The Coming Crisis of Western Sociology*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- House J.S. (2019) Culminating Crisis in American Sociology and its Role in Social Sciences and Public Policy: An Autobiographical, Multimethod, Reflexive Perspective. *Annual Review of Sociology*. Vol. 45. No. 1: 1–19.
- Ivanov D.V. (2020) Augmented Modernity: Effects of Post-globalization and Post-virtualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2022) Grumbling ‘Oldies’, Whining ‘Youngsters’, and Progress of Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–11. DOI: 10.31857/S013216250018033-9. (In Russ.)
- Knorr Cetina K. (1997) Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies. *Theory, culture & society*. Vol. 14(4): 1–30.
- Knorr Cetina K. (2009) The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World. *Symbolic Interaction*. Vol. 32. Issue 1: 61–87.
- Kravchenko S.A. (2002) Game-zation of Society (Toward Substantiating a New Sociological Paradigm) [Geimizatsia obschestva (k obosnovaniyu novoy sotsiologicheskoy paradigmi)]. *Obschestvennie nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. No. 6: 48–53. (In Russ.)
- Latour B. (1996) On Interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity*. Vol. 3. No 4: 228–245.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Lyotard J.-F. (1979) *La condition postmoderne*. Paris: Minuit.
- McLennan G. (2003) Sociology, Eurocentrism and Postcolonial Theory. *European Journal of Social Theory*. No. 1: 69–86.
- Ritzer G. (1975) Sociology: A Multiple Paradigm Science. *The American Sociologist*. Vol. 10. No. 3: 156–167.
- Ritzer G. (1990) Metatheorizing in Sociology. *Sociological Forum*. Vol. 5. No 1: 3–15.
- Ritzer G. (2004) *The Globalization of Nothing*. London: Sage.
- Robertson R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications.
- Sztompka P. (1979) *Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm*. New York: Academic Press.
- Toshchenko Z.T. (2011) *Kentavr-problema (Opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza* [Centaur-problem (A philosophical and sociological analysis)]. Moscow: Novyi khronograph. (In Russ.)
- Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London: Routledge.
- Vandenbergh F., Fuchs S. (2019) On the Coming End of Sociology. *Canadian Review of Sociology*. Vol. 56. No. 1: 138–143.
- Wallerstein I. (1997) Eurocentrism and its avatars: the dilemmas of social science. *New Left Review*. Vol. 226: 93–108.
- Wallerstein I. (2000) Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World System. *International Sociology*. Vol. 15 (2): 251–267.

Received: 17.06.24. Final version: 03.07.24. Accepted: 08.07.24.